

ЕЛЕНА СКАММАККА ДЕЛЬ МУРГО

ГРАФЫ ЛУДОЛЬФ

Елена Скаммакка дель Мурго Графы Лудольф

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25729711

Графы Лудольф: Зебра Е; М.; 2013

ISBN 978-5-906339-60-7

Аннотация

«Графы Лудольф» – книга, повествующая о международной дипломатии прошлых столетий и судьбах людей, которые состояли на службе у мировой истории. Посвященная аристократическому роду Лудольф, представители которого внесли неоценимый вклад в политику, образование, культуру и искусство, книга увлекает историческими курьезами, выдержками из переписки королей и знатных европейских семейств, эпизодами из повседневной жизни монархов и их придворных, а также малоизвестными историческими деталями, в том числе, любопытнейшей версией происхождения Уильяма Шекспира. В «Графах Лудольф» прослеживаются неожиданные переплетения родственных связей и взаимоотношений между такими фамилиями, как Романовы, Сен-При, Голицыны, Долгорукие, Шуваловы, Штакельберг, Липхарт и даже Гуччи – основателем знаменитого дома моды и бренда.

Содержание

От автора	5
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Елена Скаммакка
дель Мурго
Графы Лудольф

© Скаммакка дель Мурго Е., 2013

* * *

Текле Лудольф посвящается

От автора

Идея написания этой книги возникла неожиданно – в тот момент, когда мой муж Маттео попросил меня найти родственные связи семьи его бабушки, графини Теклы де Лудольф, с русскими аристократическими династиями.

Я принялась за работу охотно и скрупулезно, тщательно анализируя документы и первоисточники. Много неожиданного открылось для меня и семьи моего мужа в процессе работы над этой книгой.

Поистине невероятное сплетение человеческих судеб! Судеб людей разных национальностей, живших в разные исторические эпохи!

Члены этой династии начиная с петровских времен были тесно связаны с историей нашей великой Родины. Графы Гульельмо Маурицио и Гульельмо Костантино Лудольф – неаполитанские послы в Константинополе – были на хорошем счету у самой Екатерины Великой. Гульельмо Костантино был лично знаком с великим русским полководцем Кутузовым, с князем В.П. Кочубеем и являлся отчимом внебрачного сына князя Кочубея от одной итальянской особы, а также имел награду от императора Александра Первого за вклад в Бухарестский мирный договор.

Его сын – граф Джузеппе Костантино Лудольф – полномочный министр Неаполя в Санкт-Петербурге, награжден

императором Александром Первым за битву при Фридланде. Позже другой русский император – Николай Первый лично крестил его сына Николу. Во время своей работы в России граф Лудольф тесно общался с русским министром Нессельроде и с братом основателя Одессы и консулом Неаполитанского королевства в Одессе Феликсом Дерибасом и многими другими. В столице Российской империи он посещал великосветские салоны, общаясь с элитой того времени, а известный русский поэт Вяземский посвятил жене графа Джузеппе Костантино Лудольфа – Текле Лудольф – великолепное стихотворение. Графы Лудольф состояли в родстве с такими русскими аристократическими семьями, как Романовы, Штакельберги, Мейендорфы, Чичерины, Голицыны, Сен-При, Николаи, Гуттен-Чапские, Мантейфели, Чарторыйские, Долгорукие, Шуваловы, Глазенапы, Липхарты и другие.

В книге часто упоминается гениальный русский поэт А.С. Пушкин в связи с тем, что через семью графов Штакельберг бабушка жены поэта – Ефросиния Липхарт – приходится дальней родственницей графам Лудольф.

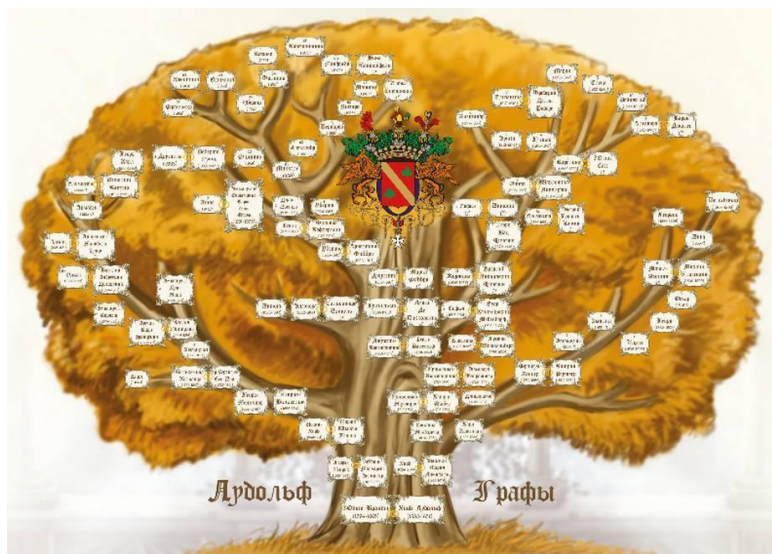
Выражаю огромную благодарность моей свекрови – Анезе Лудольф-Каффарелли-Скаммакка дель Мурго – и Уберто Гуччи Лудольфу за предоставленные оригиналы воспоминаний Елеоноры Лудольф-Пьянелль и Джузеппе Костантино Лудольфу за фотографии, без которых эта книга была бы не полной.

Также хочу особо поблагодарить Вадима Павлиновича Низова за неоценимую помощь в издании книги.

Елена Скаммакка дель Мурго

*Человеческие судьбы
трогают душу.*

Вергилий

Глава первая

Графы де Лудольф

Неаполитанского королевства

Как было сказано в предисловии, эта книга посвящена династии графов де Лудольф – неаполитанским дипломатам, семье бабушки моего мужа графини Текле де Лудольф – последней представительнице этого благородного семейства, ближайшие родственники которой состояли в родстве с известными военачальниками и дипломатами Российской империи.

Хотелось бы немного рассказать о самом Неаполитанском королевстве и о его столице Неаполе, где довелось жить и служить на протяжении нескольких столетий представителям семьи графов де Лудольф.

Неаполитанское королевство, просуществовавшее с 1282 по 1816 год, располагалось в Южной Италии и занимало территорию нынешних Кампании, Калабрии, Базиликаты, Молизе и Абруццо. Правила королевством сначала Анжуйская династия, потом – Арагонская, последней же стала испанская династия Бурбонов. К 1832 году население королевства составляло 5 700 000 человек.

В 1816 году Неаполитанское королевство объединилась с Сицилией и стало называться Королевством Обеих Сици-

лий, а в 1861 году вошло в состав объединенной Италии.

Период времени, с которого начинается повествование, большей частью ознаменован правлением Фердинанда IV (1751–1825) и его жены Марии Каролины (1752–1814) – дочери императрицы Австрии Марии-Терезии.

Царствующая чета растила детей, плела политические, военные и светские интриги в зимней резиденции неаполитанских королей – во дворце в самом центре Неаполя – и в летней резиденции – дворцовом комплексе города Казерта.

Королевский дворец очень красив и величествен. Главным фасадом он выходит на просторную площадь дель Плебешито, названную так в честь референдума 1946 года, в результате которого пала итальянская монархия. Работы по сооружению дворца, выполненному в стиле барокко, начались в 1600-х годах архитектором Доменико Фонтана. В начале XVIII века здание было расширено, а после пожара 1837 года в него были привнесены элементы неоклассицизма. Протяженный фасад увенчан часами и звонницей. В его нижнем этаже в 1888 году архитектор Ванвителли спроектировал восемь ниш со статуями правителей Неаполя. Интерьер дворца состоит из 17 залов, уставленных предметами искусства. Залы выполнены преимущественно в неоклассических традициях: в стиле ампир и необарокко. Здесь также располагается придворный театр, огромная капелла и национальная библиотека со знаменитыми папирусами из Геркуланума. Перед массивными воротами с юго-запада величественно воз-

вышаются укротители коней Петра Клодта, снятые императором Николаем I с Аничкова моста и подаренные в 1846 году Фердинанду II за гостеприимство, оказанное супруге русского царя во время ее путешествия по Италии. В 1851 году точно такие же укротители были вновь воспроизведены Клодтом.

У дворца великолепная просторная терраса, с которой император Николай Первый с супругой любовались Неаполитанским заливом. Алексей – сын Петра Первого в 1717 году скрывался там от своего злобного родителя, и его хитростью увез оттуда сотник Петр Толстой. С этой же террасы любовались видами Вольфганг Гете и барон фон Клодт, а также наполеоновский ставленник Мюрат.

Одна из самых выдающихся картин «Король Неаполитанский с семьей на лоне природы» с изображением неаполитанской королевской четы, созданная в 1783 году швейцарской художницей Ангеликой Кауфман, находится в художественной коллекции музея княжества Лихтенштейн.

Из письма Элеоноры де Лудольф-Пиянелль – тети Норины, как ее называли в семье, написанного 23 июля 1906 года, в день рождения юной графини Теклы де Лудольф – бабушки моего мужа Маттео:

Je dedie les pages suivantes a une enfant de 9 ans avec l'espoir qu'en le lisant plus tard elle pourra s'interesser a connaitre en partie au moins ce que furent dans les generations precedantes les alliances contractees par sa famille et les liens de parentes que

nous avons pu malgré les différences de pays, conserver assez longtemps avec plusieurs de ses membres.

Notre famille originaire d'Erfurt, ville située dans le Cœur de l'Allemagne était complètement allemande jusqu'à l'année 17... Avant cela un de nos ancêtres Job Ludolf avait déjà acquis une notoriété dans les sciences. Mon père possède sa vie et le livre qu'il a publiés l'année 17... un de ses membres Guillaume de Ludolf poussé par le désir de voyager et de s'instruire quitta cette petite ville et vint s'établir à Vienne auprès de sa mère. Elle était catholique, et il ne tarda pas à embrasser lui-même cette religion. À Vienne il fit la connaissance du commandant des troupes espagnoles en Italie, et l'attacha à sa personne, l'amena en Italie, et le garda longtemps auprès de lui pendant les campagnes qui eurent lieu. Dans la suite, Charles de Bourbon infant d'Espagne, ayant conquis le Royaume de Naples y fut reconnu Roi sous le titre de Charles 3.

Элеонора де Лудольф рассказывает Текле о происхождении семьи графов де Лудольф. Она пишет, что их немецкий род происходит из города Эрфурта региона Турингия.

Первый представитель династии – Хиоб Лудольф увлекался наукой. Более известен другой де Лудольф – Гульельмо Маурицио, который в один прекрасный момент переезжает со своей мамой из Эрфурта в Вену, где знакомится с командиром испанских войск и вместе с ним попадает в Италию.

Мне удалось немного дополнить биографию Гульельмо

Маурицио.

Гульельмо Маурицио де Лудольф (2 февраля 1710 – 28 марта 1793, Пера) рожден, по одной версии, в городе Айзенбах (Eisenach), по другой – в Салгарде (Salgard).

Его отцом был Карл Кристиан Лудольф (1664–1733?), неудачно вложивший все свое состояние в поиски золота, наделавший множество долгов и позже приговоренный из-за этого к тюремному заключению. Страсть к благородному металлу погубила его политическую карьеру, и Кристиан был вынужден отказаться от должности помощника герцога Саксонии и городского асессора города Эрфурта. Он чудом избежал наказания, скрывшись в Дании благодаря поддержке двоюродного брата – Генриха Вильгельма Лудольфа.

Немецкая семья Лудольфов из Эрфурта относилась к среднему классу, но, тем не менее, имела определенный вес и влияние в городе и даже в регионе благодаря деду Кристиана – Хиобу Лудольфу, который первым в семье сделал неплохую политическую карьеру в местной мэрии.

Дед Хиоб Лудольф (1583–1651) был женат на Юдит Брант (1594–1665) и имел двоих сыновей.

Старший сын, Хиоб (1624–1704), родился в Эрфурте и умер во Франкфурте. Он был математиком, филологом, одним из основателей востоковедения и африканистики, автором грамматики амхарского языка. Он трижды состоял в браке: первый брак был заключен с Марией Димпфел (1639–1676), второй его женой стала Анна Катерина Мюль-

лер (1642–1685), а в браке с последней избранницей Хиоба – Марией Катериной фон Лерзнер (1642–1695) – родились двое детей – Карл Кристиан (1664–1733) и Сюзанна Магдалена (?). Сюзанна Лудольф и ее муж Адольф Кристиан Аверманн (1646–1738) не оставили после себя потомства.

Карл Кристиан, 10 мая 1697 года заключивший брак с австрийкой Кристин Софи Сондорф (Christin Sophie Sondorf), имел двоих детей. Старший, Жироламо, рожденный в 1708 году в Эрфурте и скончавшийся там же в 1764 году, был профессором медицины и химии, а так же личным лекарем архиепископа Магонзы. Младший, Гульельмо Маурицио (1710–1793), стал дипломатом Неаполитанского королевства. Именно от него и происходит род бабушки моего мужа Маттео – графини Теклы Лудольф.

Второй сын деда Хиоба Лудольфа – Георг Генрих (1615–1669) – служил секретарем в шведском посольстве при заключении Вестфальского мира, а позже – чиновником в Эрфурте и советником майницкого курфюрста. Он был дважды женат: в первый брак он вступил с Юдит Маргаретой Зельтцер (16(?) –1663), от которого родился Иоанн Хиоб (1649–1711), математик и бургомистр города Эрфурта. Второй брак Георг Генрих заключил с дочерью сенатора Мартой Шмидт Бенинья (Martha Schmidt Benigna), от которого родились Георг Мельхиор (1667–1740) – известный адвокат в Эрфурте и юрисконсульт при дворе герцога Саксен-Айзенах, и второй сын – Генрих Вильгельм (1665–1712) – всемирно

известный филолог.

Теперь подробнее о двоюродном брате Кристиана – Генрихе Вильгельме, с чьей помощью тому удалось избежать тюрьмы и позора.

Генрих Вильгельм Лудольф был талантливым филологом, автором первой в мире грамматики разговорного русского языка.

Еще в молодости он выучил идиш и арабский, работал у датского посла Кристиана фон Ленте (Christian von Lenthe), затем стал секретарем принца Георга Датского, а позже служил у герцога Кумберландского (Duca di Cumberland). К сожалению, по состоянию здоровья Генриху Вильгельму приходится отказаться от дипломатической работы, и он переезжает на постоянное проживание в Англию, где ему выделяют пенсию в 500 скудо золотом.

Весной 1692 года английское правительство поручает Лудольфу специальное задание – посетить Россию и по возможности установить торгово-дипломатические отношения с этой страной.

Получив все необходимые инструкции в Лубекке и даже не попрощавшись с друзьями в Гамбурге, он отправляется в Ревель. В начале ноября он напишет своим друзьям из Нарвы, что из-за тяжелой болезни царя Петра Великого ему и другим иностранцам на несколько недель запрещен въезд в Россию.

Время ожидания в Нарве Генрих Вильгельм использует

для изучения русского языка.

Наконец, в январе 1693 года ему удастся продолжить свое путешествие.

Генрих Вильгельм Лудольф некоторое время пробудет в Москве. Самые же яркие впечатления и воспоминания останутся у Лудольфа от посещения Санкт-Петербурга, где ему посчастливится лично познакомиться с императором Петром I.

Знаток музыки (почти все члены династии Лудольфов обожали музыку и хорошо в ней разбирались) и виртуозный мастер игры на различных музыкальных инструментах, он имел честь продемонстрировать свое искусство самому государю, чем приятно поразил монарха и доставил ему большое удовольствие.

Во время своего пребывания в России Генрих Вильгельм встречался и с высшим русским духовенством, познакомился с патриархом Адрианом, имел с ним продолжительную беседу, поразив патриарха и всех присутствовавших своими глубокими научными познаниями.

В январе 1698 года Генрих Вильгельм возвращается в Англию, перенесет тяжелую болезнь и даже операцию. Выздоровев, он начнет работу над грамматикой русского языка.

«Grammatica Russica», написанная на латыни, является первой книгой грамматики разговорного русского языка, предназначенной для купцов и путешественников. Она представляет собой некое введение в изучение языка, на ко-

тором говорили от Архангельска до Астрахани и от Ингерманландии до Китая.

Книга выйдет в свет в 1696 году в Оксфорде, и первые ее экземпляры автор отправит государю Петру Великому и его наставнику Петру Борисовичу Голицыну (1654–1714), покровительством которого Лудольф смог воспользоваться во время своего пребывания в России.

Будет не лишним отметить, что Генрих Вильгельм являлся близким другом замечательного педагога и теолога, основателя Франкского фонда в Халле, школ для сирот и педагогического колледжа Августа Германа Франке (1663–1727). Именно Лудольф впервые привез в Халле шрифты кириллицы, на которых в XVIII веке была напечатана первая в Германии русская книга. Именно из Халле Петр I приглашал педагогов для учреждения гимназий в России, а для руководства гимназий в Москве Франке лично отбирал педагогов. Мудрый русский государь отправил немало молодых людей на обучение к Франке в Халль.

Из всего вышесказанного следует, что связь семьи Лудольф с Россией (хотя еще не родственная, а, скажем так, тематическая) датируется началом XVII века.

Итак, мы теперь знаем, что у Кристиана Лудольфа был сын – Гульельмо Маурицио.

Как складывалась жизнь Гульельмо Маурицио в юности, доподлинно неизвестно. Известно лишь, что появился он на родине своей матери Кристины Софии Сондорф – в Вене – в

1725 году, сопровождая на первый венский конгресс герцога де Лирия.

Позже, в 1727 году, он едет с герцогом в Санкт-Петербург, поскольку де Лирия назначен туда послом Испании. В Неаполь Лудольф попадает тоже благодаря герцогу, возглавлявшему в 1734 году одно из подразделений армии Бурбонов, захватившей власть в Неаполитанском королевстве. В 1738 году Гульельмо Маурицио поступает на службу в министерство иностранных дел Неаполитанского королевства в качестве переводчика. В 1741 году он становится секретарем посла в Константинополе, работая сначала под руководством Джузеппе Фитокиетти, затем – с заменившим его Никола де Майя.

Несомненно, такая неординарная личность, как герцог де Лирия, достойна подробного упоминания.

Жакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лирия и Херика (Jacobo Francisco Fitz James Stewart Duque de Liria y Xerica) (1696–1738) – дюк Лирийский, как его называли русские, принадлежал к одному из самых знатных семейств Европы. Прямой потомок Марии Стюарт, он получил образование во Франции, но в отличие от своего отца, маршала и герцога де Бервика, поступил не на французскую, а на испанскую службу. Он становится на три года первым испанским посланником при русском дворе, отстаивая не только испанские интересы, но также интересы Священной Римской империи – в ту пору союзницы Испании. Перед его отъ-

ездом король Филипп V вручает ему инструкцию, в которой было написано следующее:

«Вы – первый посланник короны нашей при дворе, куда Вы назначаетесь». А также монарх настоятельно просит герцога проявлять в России благоразумие в вопросах веры:

«Такая осторожность уже сама по себе нужна для Вашей службы и для исполнения возложенных на Вас обязанностей, но она тем более важна при дворах, которые не исповедуют нашу святую религию и где поступки, дела и суждения католиков служат предметом внимания и обсуждения».

Дипломатическая миссия герцога совпала по времени с борьбой придворных группировок за власть, о чем он очень подробно рассказал в своем дневнике «Записки герцога де Лирия-Бервика, бывшего испанского посла при российском дворе, 1727–1731 годы», а также в подробных донесениях испанскому монарху.

На период правления Петра II приходится расцвет деятельности испанского посланника, русский император награждает его высшими русскими орденами: Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

Герцог Лирийский активно участвует и в миссионерской деятельности. В России уже тогда ходили упорные слухи о якобы возможном объединении двух церквей: православной и римско-католической. Одним из инициаторов этого проекта выступил герцог де Лирия, но встретил яростный отпор со стороны известного русского проповедника и государствен-

ного деятеля, в чьих руках находилась практически вся церковная жизнь столицы, Феофана Прокоповича, архиепископа Новгородского.

В своем рвении к объединению двух религий де Лирия со своим помощником Бернардо де Риберу и вовсе утратили чувство реальности, для достижения своей цели они даже были готовы пойти на вмешательство в дела суверенного государства Российского. Де Риберу пошел на открытый конфликт с Феофаном, который закончился тем, что монаху-доминиканцу пришлось срочно покинуть Санкт-Петербург в 1730 году.

К тому же русская императрица Анна Иоанновна остается верна дружбе с Римской империей и разрывает свой союз с Испанией.

Таким образом, план политического альянса Испании и России, задуманный де Лирия, терпит крах, и испанский посланник, наделавший долгов и разорившийся, вынужденно покидает Россию в ноябре 1730 года. После этого Россия и Испания разрывают свои дипломатические отношения на целых 30 лет.

Поскольку в воспоминаниях членов династии графов Лудольф утверждается, что Гульельмо Маурицио сопровождал герцога де Лирия в Россию, то вполне возможно, что и граф Лудольф стал свидетелем вышеописанных исторических событий.

Надо подчеркнуть, что герцог де Лирия оказал большое

влияние на формирование личности молодого Лудольфа, который остался без отцовских напутствий и советов.

Не кто иной, как герцог Лирийский, пристроит симпатичного, молодого и смышленного иностранца Гульельмо Маурицио Лудольфа переводчиком в только что созданное в Неаполитанском королевстве морское военное ведомство. Проработав там несколько лет, Лудольф попросится в Турцию, якобы для изучения восточных языков. Начав карьеру с самой низшей должности в Османской империи, граф дослужится до министра, и практически вся его жизнь будет связана с этой непростой, но, безусловно, интересной страной.

В 1750 году, уже находясь на дипломатической службе в Константинополе, граф Лудольф женится на француженке, придворной даме королевы Амелии, Лудовике Виктории Катрин Шабер (1725–1793), дочери Филиппа Шабера (1696–1751) и Анастасии Костон (1707–1770).

Гульельмо Маурицио с небольшими перерывами проработает в Турции чрезвычайным и полномочным министром с 1747 до 1789 год, умрет там же и будет похоронен на местном католическом кладбище рядом со своей женой Катрин Шабер, отошедшей в мир иной на месяц раньше супруга.

В те времена в Турции дипломатические представительства находились в новом квартале Константинополя – Пера, что располагался на южном берегу Золотого Рога.

Одной из основных задач графа де Лудольфа как дипломата было установление долгосрочного и надежного товаро-

обмена между Турцией и Неаполитанским королевством.

Дело это было совершенно новым и трудно реализуемым, поскольку уже тогда «таможня не давала добро», а если и «давала добро», то за отдельную плату. Неаполитанский дипломат жаловался, что неаполитанские министры инертны, ленивы и совершенно не хотят затруждать себя текущей работой и способствовать продвижению торговых отношений между Турцией и Неаполем.

Министр иностранных дел Тануччи, серьезный политик и, выражаясь современным языком, топ-менеджер Неаполитанского королевства, вместе с Лудольфом пытался расшевелить неаполитанское общество – аристократов, торговцев и церковь, владевшую огромными землями, и убедить их в необходимости товарообмена между двумя странами. Но все же основное препятствие Тануччи усматривал в высоких таможенных сборах для иностранных торговцев – фактически поборах. Его меткое определение таможни того времени как нельзя более актуально выглядит и сегодня:

«Дорогая таможня – это чума для коммерции, родная мать контрабанды и испепеляющий огонь для всех иностранных торговцев и для самих подданных королевства. Принимая во внимание все это, я бы сказал, что мы сами большие турки, чем сами турки».

В 1772 году он активно помогает продуктами и всем необходимым захваченному русскими войсками Константинополю.

Гульельмо Маурицио де Лудольф причислен к дворянству Святой Римской империи с присвоением титула графа 30 октября 1778 года, согласно сертификату *Noch und Wohlgeboren*.

От брака де Лудольф – Шабер родились:

Гульельмо Костантино (17 августа 1755 – 20 февраля 1839), Вильгельмина Костанца (1752–1807) – будущая жена графа Франсуа Сен-При, и Карл (год смерти – 1802), получивший свое имя в честь Карла III, покровителя графа де Лудольфа. Он стал дипломатом, жил и работал в Швеции. Женат никогда не был.

Прежде чем перейти к следующему поколению Лудольфов, хотелось бы сказать несколько слов о семье Катрин Шабер и о диаспоре иностранцев, живших в XVII–XVIII веках в Константинополе.

Семья французского происхождения Шабер (*Chabert*), первые представители которой переехали в Турцию еще в 1660 году, слыли неплохими аптекарями, врачами, ювелирами и потомственными драгоманами.

Члены этой семьи охотно вступали в брак с армянами-католиками и, хотя предпочитали оставаться под покровительством султана, сохраняли при этом свою веру и независимость в профессиональной деятельности.

Как же получилось, что в Турции обосновались многочисленные итальянцы, а позже, с возникновением дипломатических миссий, к ним присоединились представители дру-

гих национальностей?

Ответ на этот вопрос восходит к временам крестовых походов, когда небольшая группа коммерсантов (не более тысячи человек, преимущественно выходцев из Генуи и Венеции, и в меньшей степени из Неаполя и Флоренции), решила обосноваться и пустить корни на турецкой земле. Их называли *Italo-levantini*.

С 1453 года Константинополь окончательно переходит к Турции, и тогда итало-левантийцы начинают обосновываться не только в Константинополе, а и в Смирне и других турецких городах, строят свои дома, католические церкви, занимаются коммерцией, поддерживают свои религиозные и национальные традиции, предпочитая родниться исключительно с другими католическими семьями европейского происхождения. С момента возникновения дипломатических представительств к этой общине примыкают выходцы из Франции, Англии, Голландии, России и Германии. Заключая браки в кругу диаспоры, они, таким образом, приходились друг другу если не близкими, то дальними родственниками уж точно. Что любопытно, даже места в дипломатических миссиях передавались родственникам как бы по наследству. Например, глава семьи, уходя на пенсию, рекомендовал правительству своего сына в качестве полномочного министра, а секретарем-стажером работал, условно говоря, его внук, советником – шурин, и так далее. Это была в своем роде дипломатическая мафия.

Н.С. Всеволожский так описывает Перу и левантийцев той эпохи:

«Галата, что по соседству с Перой, когда-то была подарена Михаилом Палеологом геновцам за их помощь в борьбе с Балдуином II (1264 г.) С тех пор местные жители пользовались относительной свободой и составляли своеобразную общину в турецкой столице. В Галате увидите пеструю толпу со всех концов христианского мира. Эта часть города сохраняет во всей первоначальной пестроте своего древнего населения предприимчивый дух торговых республик Италии. Это не Восток, не мусульманский город, а то что Европа назвала Левантом – случайный сброд итальянцев, немцев, славян Адриатического залива, греков с Ионических островов, французов, испанцев, англичан, шведов и американцев; между ними исчезают почти коренные жители Востока. Значительную часть жителей Перы составляли католики. Кроме домашних церквей и европейских посольств, располагавшихся в Пере, католики имели две церкви, своих капуцинов и иезуитов, и исключительное право звонить в два колокола».

Русский художник И. Захаров подчеркивает в своих воспоминаниях о Константинополе, что в Пере нет почти ни одного турецкого дома – сплошь европейские.

Да и что представлял собой Константинополь того времени? Правда ли, что это был роскошный восточный город или это всего лишь миф?

Ответ можно найти в воспоминаниях путешественников. Европейский путешественник Колас пишет: «Дорог в Турции нет, поля плохо обработаны, дома дурно построены, не имеют печей. Улицы столицы неудобны для проезда экипажей, завалены нечистотами и полны бродячих собак. Вилки и ложки не полагаются за обеденным столом, но что за беда – они не чувствуют нужды в поддержании цивилизации...»

Другой вояжер пишет следующее: «Что касательно столь прославленной в Европе азиатской роскоши, совершенно был разочарован. Она существует только в воображении восточных поэтов. На деле в турецком доме нигде ни порядочно присесть, ни спокойно прилечь нельзя, со всех сторон ветер дует, дождь через плохую крышу в комнату льет, везде грязь, неопрятность и нечистота».

Еще одно нелестное описание Османской империи предлагает французский путешественник Шарль Дуваль (1825–1826) в своем опусе «Два года в Константинополе и Морее».

«...Обольщение, производимое видом Константинополя снаружи, скоро исчезает, и очарование прекращается, как скоро войдете во внутренность города. Противоположность сия даже так велика, что какое-то уныние нападает на душу и овладевает ею, когда, проходя в первый раз по городу, видишь улицы узкие, грязные, извилистые и дурно вымощенные; дома деревянные или каменные, неправильно выстроенные, некрасивые и непрочные. Движение народонаселения, столь живое и разнообразное в наших больших го-

родах, там настолько монотонно, что печалит воображение. Физиономия турок вообще важна и беспокойна. Смех, кажется, им не известен; они не позволяют себе движений, отличающих мысль – видно людей, привыкших к деспотизму».

Да, в непростых условиях приходилось жить иностранным дипломатам и левантийцам, но, тем не менее, они прижились, а многие даже устроились с известным шиком – владели красивыми виллами и неплохо зарабатывали на самой Османской империи.

Прилагаю короткий список наиболее известных иностранных семейств, проживавших в XVIII–XIX веках в Константинополе: Ludolf, Chabert, Testa, Fonton, Cingria, Chirico, Pisani, Mille, Salzani, Saint-Priest, Galizzi и многие другие.

Конечно, одним из наиболее известных итальянских семейств, на протяжении многих лет проработавших в Османской империи, является династия графов Лудольф, три поколения которой представляли неаполитанский двор в Константинополе: Гульельмо Маурицио, Гульельмо Костантино и Джузеппе Костантино.

Как говорится, отец за сына в ответе, в том смысле что, рекомендуя свое чадо вместо себя на престижный и высокий государственный пост, родитель был уверен, что не подведет своего короля и страну, которую представляет, а вот за других родственников, принятых на работу, бывало иногда очень стыдно.

У Катрин Шабер, жены Гульельмо Маурицио, был брат

Пьетро, вроде себе приличный, воспитанный, образованный молодой француз, вот и принял его к себе на работу граф Лудольф в дипломатическое представительство на должность переводчика и личного помощника, а тот взял и обрюхатил турчанку, которая прислуживала в миссии.

А ведь, как известно, иметь близкие отношения и жениться на турчанках иностранцам было строго-настрого запрещено, это приравнялось к преступлению, а несчастным женщинам, имевшим неосторожность влюбиться в иноверца, грозил вечный позор, изгнание и даже смертная казнь!

Благодаря быстро распространившимся по городу слухам о любовном романе Пьетро Шабера с молодой турчанкой, ситуация вышла из-под контроля. Увы, слухи дошли до самого султана. И знаете, что предпринимает владыка земли турецкой? Он передевается так, чтобы никто не смог его узнать и проникает в дом молодого Шабера, и сам лично убеждается в их любовных отношениях.

После этого, естественно, султан официально заявляет министру графу Лудольфу, что присутствие молодого Шабера в его стране более не желательно. Об этом информирован и министр иностранных дел Неаполитанского королевства Бернардо Тануччи (Bernardo Tanucci (1698–1783)).

Вот что он пишет в своем письме от 29 ноября 1760 года своему послу в Константинополе Гульельмо Маурицио Лудольфу:

«Необходимо как можно быстрее уладить скандал, причи-

ной которого стал молодой переводчик Шабер. Какой позор на мои седины! По моему глубокому убеждению, этот молодой человек просто болен сексом и не может более оставаться в Пере, так как нет никакой уверенности, что, закончив одну любовную авантюру, Шабер не начнет и другую. Как вам хорошо известно, про это узнал сам Султан и дает ему ровно пять месяцев, чтобы собрать свои вещи и убраться навсегда из Турции. Для начала я его перевожу в наше консульство в Патрасе».

Пьетро Шабер был навсегда изгнан из Турции, но, как не странно, этот эпизод не сказался отрицательно на его дипломатической карьере: в будущем он станет генеральным консулом на Кипре, в Греции и Польше.

У Катрин Шабер был еще один брат, чья внучка, Мари Генриэтта Сесилия Шабер (г.р. 1813), в 1832 году вышла замуж за Федерико де Кирико (1805–1864), который с 1812 по 1832 год работал на русское представительство в Константинополе, сначала под руководством А.Я. Итальянского, а затем – А. И. Рибопьера.

Первым из семейства, приехавшим в Турцию, стал Лука де Кирико (1685–1749), мать которого была родом из Тосканы, а отец – из Генуи. Лука был назначен генеральным консулом Республики Рагуза в Константинополе, а также находил время подрабатывать переводчиком на английское представительство.

Другой из этого рода, Пьер Федерико Мария де Кирико

(1764–1837), работал в Турции на Савойскую династию, а его брат Лука (г.р.1765) обосновался в Одессе. Россия стала его второй родиной, он прекрасно служил на дипломатическом поприще во времена Николая I. Похоронен на одном из одесских кладбищ.

Лука Григорьевич де Кирико, проработав в качестве генерального консула в Бухаресте в период с 1812 по 1817 г., дослужился в России до действительного статского советника. Судя по всему, он был человеком состоятельным, поскольку купил у Иосифа Викторовича Поджио большой дом по Дерibasовской и Ришельевской улицам, и вообще занимался скупкой земли и садовых участков в Одессе и ее пригородах. У него было две дочери, Констанца и Валерия, учившиеся в Одесском институте благородных девиц.

Жена его, Елена, слыла большой оригиналкой, особой с очевидными странностями в характере и поведении.

О ней пишет в своих воспоминаниях Филипп Филиппович Вигель:

«Находившийся долго в Бухаресте генеральным консулом действительный статский советник Лука Григорьевич Кирико, армяно-католик, был попросту человеком необразованным и корыстолюбивым. Жена его, смолоду красотка, всегда изумляла общество совершенным неведением приличий, какую-то простодушную, детски-откровенную неблагопристойностью в речах и действиях. Она мыслила вслух, никогда не смеялась, зато всех морила со смеху своими расска-

зами. Худенькая, живая, огненная... Мистификациям с ней конца не было. Из анекдотов о ней составила бы книжица, но кто бы взялся ее написать и какая цензура пропустила бы ее? Я позволю себе привести здесь два или три примера ее наивного бесчинства. Описывая счастливую жизнь, которую она вела среди валахских бояр, говорила она мне, как и многим другим: «Все они были от меня без памяти, а так как эти люди не умеют изъясняться в любви иначе как подарками, то и засыпали меня жемчугом, алмазами, шаями. Как же мне было не чувствовать к ним благодарности? Иным скрепя сердце оказывала ее; с другими же, которые мне более нравились, признаюсь, предавалась ей с восторгом».

Как уже уточнялось выше, все итало-левантийцы состояли друг с другом в родстве и становились или дипломатами, или драгоманами, что тоже являлось почетным назначением.

Кто же такие драгоманы? Само слово «драгоман» происходит от греческого *dragumanus* и от арабского *targiuman*, что означает «переводчик». Но это был не просто переводчик, а человек, хорошо знакомый с местными обычаями, владеющий в совершенстве несколькими восточными языками, способный давать ценные советы и призванный помогать тому ли иному иностранному дипломату в ведении непростых переговоров с турецким султаном и его правительством.

Еще с одним родственником Катрин Шабер-Лудольф, сыном ее племянника Франсуа Пьера, Робертом Шабером (1809–1856) – драгоманом английского представительства в

Константинополе – связан один исторический эпизод.

В воспоминаниях композитора Николая Ивановича Бахметева (1807–1891), в 1833 году сопровождавшего в Константинополь графа Орлова, описывается история с отнятой в плену скрипкой: «Приехав в Константинополь, драгоман английского посольства барон Шабер предложил мне свою скрипку на все время пребывания нашего в Константинополе. Барон Шабер почитал эту скрипку итальянской, но я убежден, что она была митенвальская, то есть немецкая: но как бы то ни было, скрипка была порядочная и подверглась такой же участи, как и ее предшественницы... Когда пришло нам время отправляться на «Пармене» в Одессу, барон Шабер просил меня взять на память его скрипку, взамен которой граф Орлов приказал мне предложить барону Шаберу тоже на память моего гнедого жеребца, которого Шабер принял с удовольствием. Остальные же лошади, из коих две присланы Паскевичем Дибичу, замечательны были тем, что, как горские, они никогда не ковались...»

Известны в итальянской и русской истории дипломатии драгоман Николай Антонович Пизани (Nicola Pisani (1743–1819) и его двоюродная сестра Беатриче Пизани (Beatrice Pisani (1784–1849), которая была женой племянника Катрин Шабер – Франсуа Пьетро Шабер.

Дворянский род Пизани происходил из Пизы, позже его представители переселились в Венецию. Один из них, Луджи Пизани, был в 1690 году венецианским дожем, а другой,

Луиджи Пизани, сделался дожем в 1730 году.

Одна из ветвей семьи переселилась в Константинополь.

Николай Антонович Пизани, чей отец являлся английским драгоманом, стал первым русским драгоманом, свободно изъяснялся на русском, персидском и турецком языках.

Начал он свою карьеру в английском представительстве, под крылом своего отца, Антонио Пизани. Но вскоре незаурядные способности Николая отметил министр Обресков и пригласил молодого человека в 1772 году на службу в российскую дипломатическую миссию. После этого карьера Николая Пизани быстрыми темпами пошла в гору. В 1779 он был произведен в секретари посольства восьмого класса, в 1782 – в надворные советники, в 1781 году состоял помощником при после Якове Ивановиче Булгакове (1743–1809), который отказал султану в пересмотре всех ранее заключенных русско-турецких договоров и в 1787 году был заточен вместе с Николаем Пизани в Семибашенный замок. К счастью, в 1789 году при Селиме III обоих освободили. В 1790 году Пизани был произведен в советники азиатского департамента.

В 1793 году он отправился с новым русским послом М.И. Голенищевым-Кутузовым в Константинополь, где после отъезда посла успешно проработал уже при В.П. Кочубее. Надо особенно подчеркнуть, что обоим русским послам он давал дельные советы, тем самым помогая избежать серьезных ошибок в переговорах с правительством султана. Николай

Антонович Пизани дослужился до статского советника. Род Пизани внесен в третью часть родословных книг Виленской, Ковенской и Санкт-Петербургской губерний. А что это мы все про мужчин рассказываем и про их карьеру?! Давайте поинтересуемся, как же жилось женщинам в Османской империи, женщинам – женам дипломатов, женщинам – членам правящей династии и простым турчанкам.

О положении женщин султаната и жен дипломатов в Константинополе в период XVIII–XIX веков написал в своей научной работе профессор университета города Бари Максимильтян Пецци.

Профессор подчеркивает, что к женщинам в Османской империи относились весьма плохо, да что сказать, практически их присутствия и не замечали. Ели бедняги после мужа, спали где попало.

Иначе обстояли дела в семье султана. Многим султанским матерям и их дочерям удавалось принимать активное участие в политической жизни страны, определенным образом влиять на решения правителя. Самое интересное, что после замужества султанская дочь далеко не всегда принимала сторону своего мужа в политических играх. По этому поводу метко высказался сам посол Неаполитанского королевства в Константинополе граф де Лудольф в письме к министру иностранных дел Тануччи:

«Конечно, это большая привилегия – жениться на турецкой принцессе, но, увы, этот брак, в конечном счете, может

разрушить твою жизнь и даже привести к полному рабству мужа».

А что происходило в дипломатической среде? Ситуация и тут была весьма противоречивой: некоторые дипломаты, например такие, как Раймондо Маццинги – представитель Неаполя в Константинополе, не пожелал взять с собой жену и сына, утверждая, будто семья не позволяет ему свободно и плодотворно исполнять свои служебные обязанности (мы прекрасно понимаем, что под этим имеется в виду, не правда ли?)

Совершенно противоположный пример – консул Рагузы, Жоржио Цюрих (Giorgio Zurich), который в течение десяти лет в Порте не переставал просить, практически умолять свое правительство позволить его жене приехать к нему в Турцию. Но под всевозможными предлогами (холера, сильный шторм) ему было отказано.

Некоторые жены иностранных дипломатов сами отказывались сопровождать мужей в эту далекую и дикую страну, в которой их ждет такая скучная и монотонная повседневная жизнь – редкие дипломатические приемы и частые похороны. На улицу жены дипломатов самостоятельно выходить не могли, и, естественно, на прогулку они шли в сопровождении.

К тому же не у всех дипломатических представительств хватало средств на организацию приемов: так, французский консул в Травнике был вынужден под всевозможными пред-

логами отменять светские вечера в своем представительстве, а его бедняжке жене ничего не оставалось, как практически все время проводить дома или играть с детьми в саду.

Жизнь турчанок, среди которых было немало настоящих красавиц, отличалась таким же однообразием и скукой. Некоторые из них позволяли себе заглядываться на иностранных мужчин, хотя прекрасно понимали, чем это может быть чревато.

Сами же европейцы тоже были не прочь не только развлечься с турчанками, но и создать с ними семьи, однако на этот смелый шаг решались не многие, а тем, кто все же рискнул, пришлось полностью поменять свой европейский образ жизни и подстроиться под обычаи и нравы мусульманских семей.

Подтверждением тому служит пословица, распространенная в период XVII–XVIII веков в Константинополе: «Если хочешь испортить себе жизнь, женись на левантийке». *Chi vuol far la sua rovina prenda una moglie levantina.*

Одним из смельчаков, женившихся на турчанке, стал итальянец родом из Триеста – некто Скарпаротта. Он взял в жены молоденькую дочь стамбульского коммерсанта. Сохранились воспоминания его друзей, в которых они выражают искренние сожаления о том, как драматично изменилась жизнь их близкого друга после брака.

В семьях европейских аристократов отношение к женщинам на рубеже XVIII–XIX веков тоже оставляло желать луч-

шего.

Так, молодой граф Гульельмо Костантино Лудольф в своем свадебном путешествии в Париже в 1775 году даже не удосужился купить подарок ни супруге Элеоноре, ни своей матери Катрин Шабер. Выдавая замуж своих дочерей, отцы не слишком руководствовались счастьем своего чада, им было важнее не продешевить и не подорвать свой престиж.

Например, граф Гульельмо Маурицио Лудольф, выдавая свою дочь Костанцу за графа, французского посла в Турции, Франсуа Сен-При, запросил с родителей жениха огромную сумму – 40 000 серебром.

Мы немного отвлеклись на общую характеристику жизни Османской империи того периода, чтобы лучше понять атмосферу, в которой работали и жили три поколения графов де Лудольф, а теперь вернемся к семье графа Гульельмо Маурицио Лудольфа.

Его старший сын, Гульельмо Костантино де Лудольф, родился 17 августа 1759 года в Константинополе, где в то время работал его отец. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что хорошее образование крайне необходимо для будущей карьеры сына (к сожалению, в молодости он был лишен возможности учиться), Гульельмо Маурицио посылает сына учиться в самое престижное по тем временам учебное заведение Европы – в императорский колледж Тересиано в Вене. Обучение в Тересиано стоило целого состояния, но отец не поспешил ради будущего своего отпрыска.

Главной мечтой родителя было сделать из своего сына выдающегося дипломата Неаполитанского королевства. Дело происходило во времена Фердинанда IV, недавно взошедшего на трон.

После успешного обучения в Вене молодой Гульельмо Костантино возвращается в Константинополь, где проходит стажировку у отца, познавая основы дипломатической службы, чтобы в ближайшем будущем заменить его на этом посту. Граф Гульельмо Маурицио Лудольф не жалел никаких денег на поездки сына по миру (в то время, и вправду, путешествовать было довольно сложно и очень дорого), которые помогли бы расширить кругозор начинающего дипломата. Можно лишь восхищаться родительской мудростью и дальновидностью графа.

В сопровождении близкого друга семьи аббата Доменико Сестини – нумизмата, археолога и разносторонне образованного человека – Гульельмо Костантино посетил Россию, Венгрию, Среднюю Азию и многие страны Европы.

В 1780–1781 годах он приезжает в Неаполь. Фердинанд IV отмечает незаурядные дипломатические способности молодого человека и назначает двадцатитрехлетнего де Лудольфа помощником посла. В 1789 году Гульельмо Маурицио, уже очень пожилой человек, просит короля о милости – заменить его сыном на посту посла при Порте. Просьба находит понимание, и Гульельмо Костантино становится представителем Бурбонской монархии при турецком султани. Он проработа-

ет в Турции вплоть до Венского конгресса 1812 года.

В статье академика А.М. Панченко «Потемкинские деревни как культурный миф» мы найдем уникальные исторические подтверждения присутствия графа Гульельмо Костантино де Лудольфа в поездке по Крыму в 1787 году в составе делегации иностранных представителей при дворе Екатерины Великой. Целью поездки было показать и похвастаться новыми южными владениями перед австрийским императором Иосифом II.

Я была приятно удивлена, прочитав переведенные на русский язык и опубликованные девять писем графа де Лудольфа, написанные в Крыму с 1787–1789 годы.

«Я писал эти письма по дневнику, который вел в продолжение этого путешествия. Последние дни мая 1787 года, Херсон.

Иосиф II, он же граф Фалькенштейн, уже присоединился к русской царице. 26 числа я присутствовал при самом великолепном в мире зрелище, так как в этот день был назначен спуск военных кораблей. По моем приезде в Херсон я не мог себе представить того, чтоб эти суда могли быть готовы к прибытию императрицы, но работали так усердно, что к назначенному сроку все было готово. Все сделано, только на скорую руку. Тем не менее я был поражен прилагаемую ко всему деятельностью. Это страна вещей удивительных, и я их всегда сравниваю с тепличными произведениями, только уж не знаю, будут ли они долговечны».

Далее описывается спуск на воду трех кораблей, один из которых был назван «Иосиф II» из уважения к австрийскому императору; рассказывается о посещении Севастополя и знаменитом парадном обеде в Инкерманском дворце, о великолепном салюте в честь русской императрицы и ее знатных гостей.

«Чрезвычайно интересна реакция иностранцев, присутствующих на обеде в Инкерманском дворце: Император был поражен, увидев прекрасные боевые суда, созданные как по волшебству. Это было великолепно. Первой нашей мыслью было аплодировать. На прогулке граф Сегюр (французский посол) говорил графу Фалькенштейну: «Мне кажется, что это страница из «1001 ночи», что меня зовут Джаффаром и я прогуливаюсь с калифом Гаруном-аль-Рашидом, по обыкновению переодетым».

Также французский посол в своих мемуарах записал: «Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижины были украшены цветами, расписанными декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор и они представляли какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами».

Граф де Лудольф: «Признаюсь, что я был поражен всем, что видел. Мне казалось, что я вижу волшебную палочку феи, которая всюду создает дворцы и города. Палочка князя Потемкина могущественна, но она ложится тяжелым гнетом на Россию. Г.А. Потемкин не только строит деревни с

образцовыми поселянами на пути следования императрицы, превращая путешествие в театральное зрелище, но и преобразует новопокоренные земли – Новороссию.

Вы без сомнения думаете, друг мой, что Херсон – пустыня, что мы живем под землей, но разуверьтесь. Я составил себе об этом городе такое плохое понятие, особенно при мысли, что еще восемь лет тому назад здесь не было никакого жилья, что я был крайне поражен всем, что видел. Князь Потемкин бросил на учреждение города в этом краю семь миллионов рублей...»

Далее де Лудольф хвалит местный Кремль, дома, сад императрицы, в котором растут 80 000 всевозможных плодов деревьев...

Про археологические раскопки граф де Лудольф сказал следующее:

«При раскопках в развалинах Херсона найдено множество монет Александра Великого, некоторых римских императоров и Владимира I, явившегося сюда в 988 году, чтобы креститься. Он женился на дочери константинопольского императора, Анне».

Конечно, для поражения воображения присутствующих Потемкин потратил слишком много казенных денег, которые могли пойти на более существенные дела. В этом был прав де Лудольф, который сказал, что «для разорения России надобно не особенно много таких путешествий и таких расходов».

Конечно, и император Иосиф, и сопровождающее его персоны поняли, зачем их взяла собой Екатерина Великая. Она хотела продемонстрировать размах и таким образом подчеркнуть, что России под силу осуществить даже самые дерзкие планы на будущее.

О русских проектах: «В этой стране ежедневно появляются новые планы. Они могут быть лишь вредными, если не выполняются с мудростью и если они не представляют собой никакой действительной пользы, но я замечаю, что в данную минуту это есть наиболее обильная проектами в мире страна».

Граф Гульельмо Костантино де Лудольф дает очень точную и верную характеристику Екатерине, императору Иосифу и князю Потемкину.

«Начну с того, что буду говорить об императрице. Эта принцесса роста среднего, очень полная и уже довольно почтенных лет. Она пользуется хорошим здоровьем, кажется кроткою, осанка ее исполнена благородства и достоинства, в глазах у нее много живости. Говорят, что она умна и гениальна. Я слышал, как она приятно и легко что-то рассказывала. Деятельность ее изумительна, ее непомерная страсть к славе, точно так же, как и ее честолюбие, известны, и она жертвует ради них каждую минуту своей жизни... Все приближающиеся к ней люди чувствуют на себе ее доброту и ее великодушие. Все ее часы распределены. Она встает рано, тотчас же принимается за работу, торопит своих министров

и сама знакомится со всеми важнейшими делами.

Император Иосиф роста среднего. Он был очень красивым принцем, но утомление, влияния непогоды, которым он постоянно подвергается, изменили его черты. Я близко наблюдал его: мне казалось, что человек его положения мог относиться ко всем, кто имеет честь приблизиться к нему, так, чтобы всякому было до такой степени по себе. Может быть, он даже слишком фамильярен. Он мне показался совершенно свободным от того высокомерия, той сдержанности, которые иногда даются высоким происхождением.

Я крайне стремился познакомиться с князем Потемкиным, с этим колоссом, пред которым склоняются все колени. Это странное во всех отношениях существо! Вместе с геркулесовым ростом, он соединяет самый суровый взгляд: на его приемах и в его нравах слишком отражается его воспитание, и при виде его я легко представляю себе старых русских бояр. Князь Потемкин – первое лицо в России после императрицы, круг его ведения чрезвычайно обширен. Сюда входит все, он состоит во всех советах, ему известны все тайны императрицы, за то он и пользуется удивительным влиянием на ум государыни, которая выслушивает, уважает его, но которая, может быть, его боится и, во всяком случае, не любит его».

Меткое забавное описание быта и устройства жизни Херсона того времени поражает сходством со временем сегодняшним:

«Крестьяне здесь живут не земледелием, ибо во всех окрестностях весьма мало возделанной земли, а занимаются весьма прибыльным извозом, доставляя издалека, особенно из Польши, муку и прочие съестные припасы.

Полицейская часть здесь очень плоха; никто не безопасен даже в своем собственном доме. Здесь столько несчастных, влачащих самое жалкое существование, что нет ничего удивительного в том, что ежедневно приходится слышать о воровстве, грабежах и даже иногда об убийствах».

Об армии и отношениях в ней:

«Русские солдаты получают семь рублей жалованья в год и по два фунта черного хлеба в день: они кормятся соленым мясом и рыбой, которою изобилует река и которая здесь не почем, но рыба здесь очень вредна. Вода здесь очень плохая, и потому солдаты делают себе питье из распущенной в воде муки. Питье это называется квасом. Квас кисловат, и не думаю, чтоб он был вреден, ибо составляет прекрасное противоскорбутное средство. Я был поражен ужасною субординацией, которой подчинены солдаты. Они полагают, что субординация эта и составляет могущество России».

О русском гостеприимстве:

«Я обедал у нескольких из этих господ, с которыми мог изъясниться лишь знаками и телодвижениями. Едят здесь весьма плохо, почти все холодное и очень грязное. Вина отвратительны и, по правде говоря, здесь трудно и достать хорошего вина. Этому стараются пособить устройством напит-

ков из различных плодов. Квас и кислые щи делаются из муки, заквашенной в воде. Здесь есть хороший мед, вишневка, пиво, но к этим напиткам приходится привыкать насильно. Вода плохая, солодковатая и нездоровая; ее никогда и не пьют за столом. Общество вообще далеко не из самых приятных, потому что на всем отзывается военная субординация. Пред генералом никто не садится, если только он сам не прикажет сесть. Точно так же никто не решается говорить без его приказа, все неустанно следят за каждым движением своего начальника. Иностранцев вообще принимают очень хорошо, и мы можем только хвалить русское радушие».

Гульельмо Костантино Лудольф, прослужив много лет на Неаполитанское королевство, справедливо заслужил почтение и практически безграничное доверие Фердинанда IV и Марии Каролины.

Большую роль граф де Лудольф сыграл в международных переговорах, происходивших в то время в Константинополе. Это был умный и гибкий дипломат, успешно лавировавший между членами сильно коррумпированного османского правительства. Надо подчеркнуть, что ему очень трудно пришлось в период бегства Бурбонов в Палермо, так как он более не получал должного содержания на дипломатическую миссию, но все же ему удалось найти нужные средства и с достоинством выйти из этой непростой ситуации.

Коррупция в правительстве Султана и в его кабинете министров достигала необычайных масштабов. Всем иностран-

ным послам их правительства выделяли дополнительные средства на непредвиденные расходы, под которыми подразумевались взятки и дорогие подарки для Кабинета министров, поскольку при возникновении политических конфликтов было чрезвычайно важно иметь на своей стороне такую страну, как Турция.

Лудольф говорит в письме к своему министру иностранных дел:

«Ничего не поделаешь, ваше Превосходительство. Эти средства просто необходимы, чтобы быть как можно ближе к Султану и в случае необходимости повлиять на сложившуюся политическую обстановку».

Для закрепления дружеских отношений с правительством султана приходилось быть готовыми в любой момент расстаться с внушительными денежными суммами; к каждому, даже незначительному, празднику необходимо было преподнести дорогие подарки, и не дай бог сэкономить на этом!

Но случались и приятные моменты в повседневной жизни в Турции.

В приложении к дипломатической почте граф Лудольф обязательно посвящал несколько слов местной светской жизни, описывая тот или иной дипломатический прием. Он подробно осведомил своего министра Джона Актона о пышном приеме в русском дипломатическом представительстве по случаю коронации Павла I и о четырех днях бурного празднества Турецкого султаната по случаю вновь обретен-

ного Египта. Даже англо-французская война 1802–1804 годов не мешала насыщенной светской жизни Константинополя – и месяца не проходило без какого-либо пиршества.

Особенно в этом преуспел французский посол, организовав пышный дипломатический прием в честь взятия Бастилии, на который съехался весь дипломатический корпус, кроме послов английского и русского.

Из письма графа Лудольфа Джону Актону, министру иностранных дел Неаполитанского королевства: «Все празднество происходило в загородной резиденции французского посла в местечке Терапия. Приглашенных насчитывалось более двухсот человек, угощения из ста блюд поражали своей изысканностью и разнообразием. Это был обед, плавно переходящий в ужин, а ужин переходил уже в завтрак. Все тосты за французского императора Наполеона Бонапарта сопровождалось залпами пушек и фейерверками. Ближе к вечеру был дан бал».

Несмотря на внешне благополучную константинопольскую жизнь, у многих дипломатических представительств (особенно у неаполитанского) наступили времена жесткой экономии в связи с тем, что получаемые от пошлин на торговлю доходы поступали в кассу представительств все меньше и меньше. Торговля Турции с другими странами шла ни шатко ни валко из-за бесконечных войн с Россией. Позже к этому добавилось еще и наполеоновское вторжение, да и страшные эпидемии холеры не способствовали плодотвор-

ной работе.

Необходимо подчеркнуть, что полномочный министр граф Гульельмо Костантино де Лудольф даже в самые критические моменты своей работы при Порте оставался верен своему королю Фердинанду IV. Он не польстился на золото, предложенное ему другими иностранными представителями за использование его глубоких знаний местных устоев и обычаев и огромного опыта работы при султанах. Подобное предложение поступило графу в неофициальной беседе с французским послом. Лудольф в деликатной форме ответил послу, что невозможно служить двум хозяевам одновременно.

Благодаря своему изобретательному уму граф Лудольф вышел из затруднительного положения, умело используя своих же земляков-коммерсантов из итало-левантийцев, которые охотно давали ему деньги на содержание дипломатической миссии в обмен на незначительные услуги с его стороны.

Так, после смерти его заместителя, Джакомо де Марини, на его место претендовал богатый коммерсант Биаджио Франческо Сальзани (Biagio Francesco Salsani), который к тому же приходился дальним родственником его второй жене Терезе Милле. Гульельмо Костантино пришлось назначить Сальзани вице-консулом, поскольку миссия нуждалась в деньгах, которые щедро выдавал коммерсант из благодарности за полученный престижный пост.

В связи с вышеизложенным, все рассказы Михаила Феликсовича Дерибаса о том, что бедная госпожа де Марини, вторая жена графа Лудольфа, недоедала и зарабатывала рукоделием на пропитание своей семье, кажутся мне сильно преувеличенными.

В воспоминаниях Дерибаса госпожа Марини так рассказывает о своей жизни в Турции: «Раз я не ела в продолжение трех дней. Когда, случайно зайдя в один дом, я услышала запах бульона, то не выдержала и упала в обморок».

Этого не могло произойти еще и потому, что граф Лудольф был человеком, для которого именно семья, а не карьера, всегда стояла на первом месте, и он, вне всяких сомнений, не допустил бы ситуации, при которой его близкие и родные могли недоедать или голодать.

Граф Гульельмо Костантино Лудольф являлся, пожалуй, единственным из своих современников чрезвычайным и полномочным министром, проработавшим в Константинополе со времен Французской революции вплоть до Венского конгресса.

Перед его окончательным отъездом из Турции в Лондон султан самолично написал письмо неаполитанскому дипломату, в котором дал высокую оценку профессиональным и личным качествам Гульельмо Костантино. Глава Османской империи заверял, что ему было очень приятно иметь дело с таким умным и тонким человеком, который, несомненно, вошел в историю неаполитано-турецких дипломатических

отношений благодаря своей успешной дипломатической работе.

Подтверждение тому, что коронованные особы всецело доверяли решениям Гульельмо Костантино де Лудольф в переговорах с Портой, находим в дневниках Фердинанда IV под редакцией Умберто Калдора (*Diario di Ferdinando IV di Borbone a cura di Umberto Caldora*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.